

УДК 81-23

Билингвальное мировидение и образы мира в художественном тексте

Тагаев М.Дж., Борчиева Б.Т.
*Киргизско-Российский Славянский университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина*

В статье М.Дж. Тагаева и Б.Т. Борчиевой «Билингвальное мировидение и образы мира в художественном тексте» на материале произведений Чингиза Айтматова исследуется вопрос о том, каким образом билингвальное мировидение писателя при помощи образных средств контактирующих языков (метафор, фразеологических оборотов и паремнологических средств) удается соткать художественный текст, в котором органично сопряжены культурно-языковые ценности русского и тюркского мира.

В произведениях Ч. Айтматова на русском языке мы находим образные средства, которые принадлежат к разным культурам и эпохам, со времен античности до наших дней. В них много устойчивых оборотов, пословиц и поговорок, мифологических сюжетов, навеянных киргизской культурой. Они естественным образом, ненавязчиво вплетаются в художественный текст, образуя интернациональную матрицу архетипов сознания, благодаря чему книги писателя находят живой отклик у каждого читателя независимо от его национальной принадлежности.

Ключевые слова: текст, метафора, фразеологизм, пословицы, поговорки, паремнология, аксиология, мировидение, когнитивная лингвистика, языковая картина мира, образ мира, билингвизм, языковое сознание.

(Ученые записки. – 2018. – Том 27. – С. 172–177)

Bilingual View and Images of the World in Literary Text

Tagaev V.D., Borchieva B.T.
Kyrgyz-Russian Slavic University named after Boris Yeltsin

The article “The bilingual view and images of the world in a literary text” written by Mamed Tagaev and Baktygul Borchieva and based on the works of Chingiz Aitmatov examines the question of how the writer's bilingual world view with the help of figurative means of contacting languages (metaphors, phraseological units and paremiological means) can weave a literary text which organically combines cultural and language values of the Russian and Turkic world.

In the works of Ch. Aytmatov in Russian we find figurative means that belong to different cultures and eras, from antiquity to the present day. There are a lot of stable figures of speech, proverbs and sayings, mythological plots inspired by the Kyrgyz culture. They are naturally, unobtrusively intertwined in the artistic text forming an international matrix of the archetypes of consciousness, thanks to which the books of the writer find a ready response from every reader, regardless of their nationality.

Key words: text, metaphor, idiom, proverbs, sayings, paremiology, axiology, world view, cognitive linguistics, language picture of the world, image of the world, bilingualism, language consciousness.

(Scientific notes. – 2018. – Vol. 27. – P. 172–177)

Имя профессора В.А. Масловой, истоки профессионального становления которой как выдающегося ученого-языковеда современности берут начало в Кыргызстане, широко известно лингвистической общественности нашей страны. Редкая работа, написанная на киргизском или русском языках, обходится без обращения и цитирования ее научных положений. Основные результаты исследований В.А. Масловой стали методологической базой и надежным инструментом для многих лингвисти-

ческих описаний киргизского языка в когнитивном и, особенно, в лингвокультурологическом аспекте. В сопоставительном языкознании они позволяют выявить особенности иной культуры, отраженные в языке, бросив взгляд с позиций другого, контактирующего языка.

В этой юбилейный год мы хотим пожелать В.А.Масловой крепкого здоровья, творческих успехов и подчеркнуть, что она для нас самый желанный гость, внесший огромный вклад в науку и образование Кыргызстана.

В качестве ведущей характеристики лингвистики начала 21 века В.А. Маслова называет нацеленность ее на междисциплинарное осмысление языковых явлений и переход от фактического знания к глубинному [1].

Данная мысль перекликается с идеями классиков языкознания. Подчеркивая значимость формы и внешней структуры языка для выявления его индивидуальности, тем не менее В. Гумбольдт указывал, что «сущность языка..., его более своеобразный и подлинный характер покоится на чем-то более тонком, сокровенном и менее доступном для анализа» [2, 162]. Различие между языками он видит не столько в их внешних проявлениях, сколько в различиях самом мироведении наций [2, 319]. Более того, мироведение этноса, составляющее глубинный уровень языка, предопределяет технику языка, мотивирует появление и характер самих грамматических форм.

К примеру, формирование изафета и наличие притяжательных аффиксов в субстантивных формах киргизского языка объясняется особенностями тюркского мироведения, где каждая вещь представляется принадлежащей кому-то (ср. *досум* 'друг мой', *досуң* 'друг твой', *досу* 'друг его'). Этот расклад в мышлении тюркского этноса отражается закрепляется в формах языка, и «причина здесь явно не синтаксическая, но какая-то другая, глубже залегающая в способе представления народа» [2, 153].

Следовательно, глубинные основы языка лежат не в плоскости его формального устройства; они кроются глубже и обнаруживаются на уровне творческих интенций и аксиологических представлений нации, в совокупности создающих это мироведение.

Глубинные знания, отраженные в лексическом богатстве родного языка, ассоциативных метафорах, паремиологических средствах, мифах и сказаниях народа, в наибольшей степени воздействуют на эмоциональную сферу и восприятие мира человека и влияют на поведение личности. Об этом хорошо сказал Ч.Т. Айтматов: «Только родное слово, познанное и постигнутое в детстве может напоить душу поэзией, рожденное опытом народа, пробудить в человеке первые истоки национальной гордости, доставить эстетическое наслаждение многомерностью и многозначностью языка предков» [3, 112].

Через слово проявляют себя концепты разного рода: идеи, фреймы, образы, представления, сценарии. Их национально-культурная специфика не только в наличии или отсутствии их в том или ином языке, но и в глубинной интерпретации, связанной с мироведением этно-

са. Так, например, слово *грызть* в русском языке имеет значение 'крепко сдавливая зубами, раздроблять крепкое, твердое; раскусывать'. В киргизском языке ему соответствуют два слова *кемируу* и *мулжсуу*. Если первое из них полностью соответствует по семантике русскому слову *грызть*, то значение второго представляет собой результат национально-культурной интерпретации данного концепта: *мулжсуу* включает в себя сему 'кость' и имеет значение 'грызя зубами или срезая с кости ножом есть мясо'. Национально-культурная семантика концепта в том, что уже в акте его наименования, закладывается программа его использования в дискурсе для обозначения в определенной национально ориентированной коммуникативной ситуации.

Ч. Айтматов – писатель двуязычный, который прекрасно владел обоими языками – и киргизским, и русским. Феномен языкового сознания билингвальной личности является одной из загадочных проблем психологии и лингвистики. С точки зрения психологии, сознание – это внутренний мир человека, представляющий способ отношения к объективной действительности [4]. Психологический подход к его изучению основывается на положении Л.С. Выготского, суть которого А.Р. Лурия излагает следующим образом: следует искать источники сознательной деятельности не в глубинах мозга и не в глубинах духа, а во внешних условиях жизни, и в первую очередь во внешних условиях общественной жизни [5, 23]. «Смысл мира должен находиться вне мира», – утверждал Л. Витгенштейн [6, 70]. Поэтому сознание в самом себе не может быть изучено; изучать его можно по внешним проявлениям, важнейшим из которых является речевая деятельность человека, а для мастеров слова – художественный текст.

У писателя, владеющего двумя языками как способами этнокультурного мировосприятия и оценки мира, они оба во взаимодействии движутся к одной цели – передать и описать авторскую интерпретацию действительности. Поэтому писатели-билингвы обретают особое многоаспектное мышление, которое позволяет иначе взглянуть на события и оценить их с разных сторон, синтезировать и связать воедино в создаваемой ткани художественного текста национально-культурное содержание двух миров, что недоступно человеку, владеющему одним языком. В сознании Ч.Айтматова удивительным образом сопологаются и взаимодействуют между собой смысловые пространства двух образов мира, которые отражают национально-культурную идентичность современного киргиза.

Мы мыслим образами, представлениями. Эти образы и представления складываются в нашем сознании как результат интерпретации мира представителями данного этноса и откладываются в формах родного языка. Когда писатель начинает творить средствами второго языка, он переносит и вкладывает в слова смыслы и образы, укоренившиеся в его сознании под влиянием родного языка. Благодаря этим процессам создается художественный текст, обретающий особый колорит, иное видение мира, которое и можно назвать стереоскопическим.

В творениях Ч. Айтматова можно выделить, по крайней мере, три способа внесения в текст на русском языке образов киргизского мира: 1) обращение к этнокультурной лексике; 2) создание лексических метафор на базе киргизского мировидения; 3) перенесение фразеологических оборотов и паремиологических средств из киргизского языка.

Этнокультурные реалии киргизского быта представлены лексическими единицами, вкрапленными в художественный текст на русском языке: *бешик, курджун, тебетей, чапан, талкан, аскер, келин, конул, бозо, байбиче* и др. *С тех пор, как Сейде родила, сон у нее чуток, как у птицы. Перепеленав ребенка в сухое, она сидела при свете фитиля, приткнувшись боком к бешику**. Такие обращения к лексике контактируемого языка следует охарактеризовать как кодовые смещения, используемые в тех случаях, когда писатель-билингв считает, что русский эквивалент не может в полной мере передать национально-культурный образ как элемент языковой картины мира. Они придают тексту своеобразный колорит и билингвальную стереоскопичность, позволяющие рельефно обрисовать национально-культурный образ мира с позиций киргизского этноса.

В процессах кодовых смещений принимают участие такие лексические единицы киргизского языка, которые служат для обозначения концептов и реалий киргизской действительности, которым нет соответствий в русском языке. Сравните, *кайни* 'младший брат в роду по мужу'; *джене* 'жена старшего брата'; *джаргылчак* 'каменная ручная мельница'; *талкан* 'молотое жареное зерно'; *бозо* 'хмельной напиток из пшеницы или кукурузы'; *ырчи* 'аильный певец'; *темир комуз* 'киргизский музыкальный инструмент', *конул* 'пространство под нарами, на которые складывают тюки одеяла и кошмы'.

Благодаря включению киргизских слов с национально-культурной семантикой русский читатель имеет возможность окунуться в особый мир внутренних переживаний героев. Сравните, *Ее*

[Сейде] ухо слышит его гудение: словно темир комуз выводит тоскливый «Плач верблюдицы» – 'народную киргизскую песню о верблюдице, потерявшей верблюжонка'.

В совершенстве владея арсеналом языковых средств русского языка, тем не менее Айтматов считает нужным бросить взгляд на окружающий мир с позиций культурно-языкового мышления и оценки мира представителя киргизского этноса. Это выражается в языковой интерпретации лексических единиц. Писатель точно подметил, что в ту эпоху языковое сознание киргиза воспринимало слово *германия* в усеченной форме как *герман**, а слова *фашист* и *повестка*, несмотря на то, что в тексте представлены так же, как и в русском языке, артикулировались соответственно, как *башыст* и *бавестке*.

Киргизский образ мира представлен необычными для русского сознания сравнениями. Обратим внимание на следующий текст: *В углу, накрывшись поверх одеяла чапанами, спала све-кровь. Старая она, слабая, кашляет со стоном, как больная овца*, Киргизам, испокон веков занимавшимся разведением овец, знакомо состояние болящей овцы, в их сознании отразился ее тихий и частый кашель. Поэтому сравнение кашля старой больной женщины с овцой ярко передает этот образ. Поиски в национальном корпусе русского языка дают совершенно другие результаты: *кашлять, как старый курильщик поутру, кашлять, как туберкулезный, кашлять как Бальмонт, кашлять, как перегруженный воз, кашлять, как это всегда бывает, если оборвешь курево*.

Необычным является и сравнение снега с квиллой (расползающейся от ветхости) кошмой: *Снег, точно квелая кошма, сразу расплзся рваными прогалинами, земля дышала паром*. В Национальном корпусе русского языка этот образ уходящей зимы выражен в языке русских писателей следующими сравнениями: *Вдоль дороги лежал неопрятный снег, точно его полили спитым чаем; Через мокрый, почерневший снег, точно изъеденный червями, пробивается своей желтой головкой первый Подснежник и весело крикнул тоненьким голоском*.

Отполированная до блеска каждодневным трудом земледельца мотыга у Айтматова сравнивается с зеркалом: *Темно-густым багрянцем полыхало зарево по верхам клевера, и при каждом взмахе ослепительно ярко блестел в руках Байдалы отполированный землей зеркальный кетмень*. Не без влияния киргизского языка появилось и сравнение *сон как у птицы 'куш уйку'* в тексте: *С тех пор, как Сейде родила, сон у нее чуток, как у птицы*.

Не только окружающий мир, но и национально-культурные модели социального поведения и взаимоотношения людей в художественном тексте Айтматова обретают свой колорит. Сравните: – *Сын свекрови! Сын моей свекрови!* – сдавленным шепотом выговорила она по привычке и, уже больше не в силах сдерживаться, назвала его по имени: «Исмаил!».

Концепт-представление, обозначенное собственным именем Исмаил, в речи его жены Сейде выражается пропозицией *сын моей свекрови*, так как нормы киргизского этикета в прошлом не позволяли женщинам называть супруга или его старших родственников по имени. В этих случаях им приходилось прибегать к подобного рода эвфемизмам.

Другого рода эвфемизмы встречаются, когда женщинам необходимо обратиться к старшему родственнику мужа. В этом случае для этой цели избирается наиболее характерный признак (физический, по роду деятельности и др.) того, к кому обращаются. К примеру, для называния субъекта использован признак по роду занятий в следующем отрывке: – *Ай, почточу-аке, нет ли мне письма?* – кричала она робким, неуверенным голосом.

Находим у Ч. Айтматова и иную, отличную от русского языка, лексическую сочетаемость слов: *Далеко отсюда кочевали мысли Сейде*. Слово *кочевать*, отражающий образ жизни киргизов-номадов, является более объемным по содержанию и имеет более широкий круг сочетаемости, чем в русском языке.

Мир, населенный героями из повести Ч. Айтматова “Лицом к лицу”, состоит, как и положено горной местности, из овечьих троп, дальних лугов, поросших чийняком и кураем, увалов и бугров. Сравните, *Почти каждый день, в сумерках, с дальних лугов, густо поросших чийняком и кураем. Долго бредет она по неприметным овечьим тропам с увала на увал и, когда аил уже близко, присаживается на бугре отдохнуть в последний раз.*

Представление “овечья тропа” почти незнакомо человеку из России. Для киргиза *овечья тропа* – это узкие протоптанные овцами дорожки, по которым они идут и возвращаются с пастбища. Это тропы, которыми испещрены горные местности, составляют природный мир киргиза. Русскому языковому сознанию представляется необычным сочетание *овечья тропа*, создающее подобную картину мира. Для русского человека *овечьей* скорее может быть *шерсть, шкура, морда* и др. К примеру, у А.И.Куприна встречаем поговорку: *рожа овечья, а душа человечья.*

Айтматов с легкостью создает новые словообразовательные формы на базе тюркских названий для обозначений реалий окружающего мира.

Так, к примеру, слово *чийняк*, которое не зафиксировано в словарях русского языка (отсутствует оно и в Национальном корпусе русского языка), образовано от тюркского слова *чий* со значением ‘многолетнее травянистое растение семейства злаков, произрастающее обычно в степях и полупустынях или на каменистых склонах’ при помощи суффикса *-няк*. Слово *чий* заимствовано русским языком и отмечено в ряде словарей русского языка. Однако в русском языке нет слова для обозначения совокупности растений *чий*, покрывающих определенное пространство, как, например, *березняк, дубняк, ивняк, прутняк* и др., обозначающие соответствующие реалии в российской действительности.

В тексте повести находим и окказиональные мотивированные образования на базе киргизских вкраплений, созданные по продуктивным словообразовательным моделям русского языка. Сравните, *Беспрерывно хлопали двери бозокерской кибитки, слышны были пьяные голоса поющих*. Такими же необычными представляются словообразовательные окказионализмы, как *чабанить, засаманить*, которые созданы по образцу продуктивной словообразовательной модели, представленной в русском языке словами *рыбачить, батрачить, пророчить, шоферить*.

Билингвальное языковое сознание Ч.Айтматова представлено не только внешними языковыми формами, но и внутренней семантикой киргизского языка, что передается на русском языке путем соположения слов и предложений, создающих своеобразие текста. Сравните: *Кто из этих цветущих юношей вернется, а кто ляжет в могилу на чуждеальной земле?*

В русском языке причастие *цветущий*, как правило, обретает метафорический смысл в сочетании с абстрактными существительными (вид, молодость, рай) и при обозначении лиц женского пола, сохранивших здоровый внешний вид (дама, женщина). В этой связи употребление, *цветущий юноша* в тексте Айтматова не соответствует логике языкового мышления на русском языке, где понятие само слово *юноша* уже подразумевает молодого человека в начале расцвета жизненных сил.

К такого же рода словоупотреблениям с национально-культурной спецификой относятся выражения *базарный день* со значением времени, *дух предков*, отражающее доисламские верования киргизов и др., отмечаемые в текстах: *Бог даст, привезу в базарный день... – Оомин! Да поможет вам дух предков, возвращайтесь с победой!*

Средствами русского языка Ч.Айтматов отображает смысл существования киргиза, его жизненную философию. Главная ценность для кир-

гиза – это его дети. В тексте его книг встречаем выражение *богоданный*, которое выходит из активной лексики русского языка, однако так близко и понятно киргизскому читателю, поскольку представляет собой точную кальку киргизского слова – *Кудай берген*. Сравните: – *Ну-ка, поди, в каждой ли семье по три сына? Ты мне их родила, а другого богатства мне не надо... Вот они, мои богоданные молодцы!*

Действительно, Ч. Айтматов тонко передает это трепетно-благодостное отношение в народе к детям, который воспринимает каждое дитя как божий дар. Возможно, ребенок и не самый лучший, каким бы он ни был, он свой, ибо другого никто не даст. Отсюда у писателя и рождается текст: – *Если женщина змею родит, то и змея для нее своя плоть, как своя печень, не отделишь от себя*. В сознании киргизов змея есть метафора, олицетворяющее зло, и его невозможно отвергнуть, если это (ребенок) вышедший из нутра женщины плоть от плоти, он становится близким и неотторжимым, словно печень (печень для киргиза – средоточие родственных чувств).

Особое место в художественном тексте Ч.Айтматов занимают паремиологические средства и фразеологические обороты, калькированные с киргизского языка или навеянные киргизскими образами мира. К ним относятся выражения типа *вместе с чубом сносятся и голова*, используемое в тех случаях, когда хотят осудить чрезмерную прыть. «Вырвать из жизни киргизского народа «Манас – то же самое, что отрезать язык всему народу. Избавится ли, наконец, наше общество от излишней прыти, когда *вместе с чубом сносятся и голова?*» – сказал в конце своей речи Ауэзов. (Ч. Айтматов, М. Шаханов. Плач охотника над пропастью).

Писатель отдает себе отчет, что истоки используемых оборотов берут начало в национальных образах киргизского языка, и поэтому он вводит их в текст при помощи пропозиций «истари говорят», «так появилось у народа выражение», «это так принято у киргизов». Подчеркивая близость духовного и культурного родства и образных средств тюркских народов, в частности – киргизского и казахского, Ч.Айтматов говорит: *«Тогда и появилось у наших народов выражение: «Если в горах плачет ребенок кыргызов, в долине у матери-казашки болит грудь...»*.

Окружающая среда, род занятий этноса становятся источником формирования мировидения этноса. Киргизы-кочевники, основным занятием которых было разведение скота, и поэтому зоонимические образы становятся для них своеобразной призмой, через которую они видят мир, переносят поведение животных на человеческие

отношения. Отсюда рождаются необычные для русского языкового сознания калькированные выражения: 1) « – *Ничего, конь по одному следу тысячу раз ступает, может, еще когда-нибудь встретимся...»* («Тополек мой в красной косынке»). 2) *Я в замешательстве. Вот уж в самом деле: потянешь так – арбу поломаешь, потянешь эдак – быка покалечишь.* (Ч. Айтматов, М. Шаханов. Плач охотника над пропастью).

Это и создает «стереоскопичность зрения» писателя-билингва, которая выстраивает мировидения через призму двух языковых кодов культуры. Мастерство Ч.Айтматова состоит в том, что образы киргизского мира, вкрапленные в русский текст, не выглядят навязчивыми, а органично вплетаются в создаваемую картину мира. Сравните, « – *Недаром говорили истари: жена ночью кошкой ластится, а днем змеей*».

Целый ряд выражений из киргизского языка создают в художественном тексте на русском языке национально-культурный колорит, взрывающая сознание читателя необычностью образов. К примеру, такими являются выражения *играть на конских ушах*, использованное во фразе: «*Стар он был, но «играл на конских ушах», что у нас означает – быть ловким наездником*».

Обратим внимание еще на один оборот – *как камень в печенку* из текста «– *Попробуй объяснить. Хотя разговор этот для меня – как камень в печенку.* («Когда падают горы»). В аксиологии киргизов камень и печень – воплощение мертвого и живого. *Печень* ‘боор’ – это символ близости как по крови, так и по духу (*боорум* ‘кровный родственник’, *боордош* ‘имеющие общую печень, близкие по духу’). Следовательно, выражение *как камень в печенку* приобретает способность обозначить резкое противостояние, создающее смысл «Против силы, против воли, очень болезненно, неприятно».

Билингвальное творчество основано на семантике двух языков, и процесс создания художественного текста идет путем сопряжения образов двух разных миров. В конечном итоге творческий замысел писателя реализуется в форме одного языка с вкраплениями языковых форм и представлений из другого языка, благодаря чему происходит процесс органичного перетекания, взаимопроникновения и взаимовлияния языков и культур. «Писать на русском языке для меня, что снимать широкоформатно», «опыт другого языка с большим «литературным стажем» и стоящей за ним культурой постоянно присутствует и помогает мне исподволь...» [7, 181].

Билингвальный образ мира, создаваемый творческим воображением Ч.Айтматова, позволяет читателю понять и осмыслить окружающую

действительность с разных позиций, проникнуться ценностями другой культуры, совершить современному киргизу культурный сдвиг в сторону евразийской ментальности. Национально-культурную идентичность современного киргиза Ч. Айтматов видел в прообразе человека, в котором органично соединяются национальное своеобразие, идущее из глубины веков, и то, новое, что рождено современной действительностью [4, 112].

Феномен Ч. Айтматова как великого писателя заключается не только в высокой художественности его произведений. Велика в этом и лингвистическая составляющая, представленная главным образом метафорами, фразеологическими и паремиологическими средствами из разных языков и культур, что позволяет мастеру слова выстроить такую межкультурную матрицу архетипов сознания, которая близка и понятна каждому читателю независимо от его национальной и культурной принадлежности.

Литература

1. Маслова В.А. Современная лингвистика – наука о человеке, его сознании, языке и культуре // Филология: история и современность. Philology: history and the present. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/sovremennaya-lingvistika-nauka-o-cheloveke-ego-soznanii-yazyke>.
2. Гумбольдт В.фон. Избранные работы по языкознанию. – М.: Прогресс, 2000.
3. Психологический словарь / под ред. В. В. Давыдова и др. М.: Педагогика, 1983.
4. Айтматов Ч.Т. Чудо родной речи // Статьи, выступления, диалоги, интервью. М.: АПН, 1988.
5. Лурья А. Р. Язык и сознание. М.: МГУ, 1979.
6. Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. 1. М.: Гнозис, 1994.
7. Айтматов Ч. Человек между двумя языками // В соавторстве с землей и водой... Очерки, статьи, беседы, интервью. Фрунзе, 1978.
8. Дмитриева Л.И., Тагаев М.Дж., Шепелева Г.П. Фразеологический мир Чингиза Айтматова. – Бишкек, 2018. – 329 с.

Поступила в редакцию 17.12.2018 г.